

Когда старая мадам ушла, Ю Сян выпуталась из одеяла, села, оперлась о мягкую подушку и задумалась. Вчерашний сон, должно быть, сбылся. Ю Пин Ян, скорее всего, пережил этот пугающий опыт, не попав в беду, иначе старая мадам не стала бы так настойчиво допрашивать ее и вести себя так доброжелательно.

Пусть даже она не в состоянии гарантировать себе безопасность, однако могла предвидеть будущее Ю Пин Яна. И этого вполне хватало, поскольку никто не посмел бы обижать такое искалеченное существо, как она.

Ю Сян все еще думала, когда деревянная табличка, привязанная к ширме у самой постели, вдруг привлекла ее внимание и заставила задуматься: «Что там написано»?

Странные искаженные символы были выведены кроваво-алой киноварью. Сверкающая краснота этих букв казалась подозрительно агрессивной. Похожие деревянные таблички висели у окон, в коридоре и даже были прибиты к матрасам. Их можно было видеть практически везде во дворе.

Судя по воспоминаниям «Ю Сян», эти таблички здесь повесила личная служанка Лин Ши, Цзинь Момо, и грубая старая монашка. Они даже окропили собачьей кровью дверь, прежде чем ушли, отчего весь двор задышался от вони, которую удалось изгнать лишь через несколько дней.

Тао Хон приблизилась к постели и взбила мягкую подушку за спиной у своей госпожи. Она взяла в руку деревянную табличку и долго смотрела на нее, прежде чем выражение ее лица вдруг изменилось.

Ю Сян подняла брови и спокойно сказала:

— Скажи мне правду. Эта маленькая игрушка — «Искусство зла»?

Если бы эта главная служанка захотела рассказать правду, значит, в будущем она могла бы пригодиться.

Маленькая Тао Хон слабо кивнула.

— Молодая госпожа, это амулет, охраняющий от злых духов, и слова, которые тут написаны...
— она осторожно посмотрела на госпожу.

— Эти слова говорят вот что: убив семь душ, сгорело тело? — с усмешкой сказал Ю Сян.

Она, конечно, была парализована и чувствовала неудовольствие, когда видела, что другие могут бегать, прыгать, путешествовать по прекрасным рекам или горам. Из-за этого ее характер ожесточался с каждым проходящим днем. Под защитой своего старшего брата она

начала верить в буддизм — это немало помогало ей сдерживать свой норов.

Она привыкла читать бесчисленные древние книги и записи, имеющие отношение к буддизму. Как же ее могли сбить с толку пара слов, написанных на санскрите?

Она увидела эти таблички, когда впервые очнулась здесь. Тогда же ей захотелось спалить их все! Теперь, когда она дважды спасла Ю Пин Яна, старая мадам могла перестать считать ее проклятием. Если бы она сожгла все эти таблички, это уже не вызвало бы больших последствий, и Лин Ши, конечно, не повезло бы, как только старая мадам узнала бы об этом!

Ю Сян опустила деревянную табличку и с омерзением отшвырнула ее на землю.

— Найди все эти таблички и сожги их! Скорее.

Тао Хон тоже считала эти таблички по-настоящему пугающими. Она и раньше хотела от них избавиться. При словах госпожи девушка радостно закивала и усердно принялась за дело.

Густой дым поднимался там, где соединялись дворы. Цуй Пин и Цуй Си заметили запах и бросились посмотреть, в чем дело. Потрясенные, они закричали:

— Ах! Зачем ты сжигаешь охранные амулеты мадам? Госпожа приказала, чтобы эти таблички не сдвигали с места, не то грядет беда!

Тао Хон заметила, что Цуй Пин и Цуй Си стараются выхватить уже пылающие деревянные таблички. Она торопливо толкнула злоеущие амулеты поглубже в огонь и сказала:

— Молодая госпожа разрешила мне их сжечь. Эти деревянные таблички — зло! Держитесь подальше, не то искры могут попасть вам на юбки.

Цуй Пин и Цуй Си немедленно отшатнулись. Одна из них собиралась пожаловаться мадам на главном дворе, в то время как другая ушла просить совета у госпожи в комнату.

Когда Ма Момо вышла на главный двор, сопровождаемая двумя пози с какими-то коробками, она заметила густой дым и воскликнула:

— Какой сильный запах! Что горит?

— Ма Момо, вы как раз вовремя. Взгляните, они сжигают все охранные амулеты мадам. Если мадам спросит, как мне это ей объяснить? — заныла Цуй Си, не проронив ни слезинки. Кажется, она старалась избавить себя от всякой ответственности за это.

— Что за охранные амулеты? Очевидно ведь, что они отгоняют злых духов, — хмыкнула Ма Момо и махнула рукой.

— Просто пусть молодая госпожа их сжигает. Если мадам спросит, попросите ее встретиться со старой мадам.

Разве может молодая госпожа быть проклятием, если очевидно, что она приносит удачу? Если бы эти отпугивающие духов талисманы использовались и дальше, сколько же счастья из-за них не случилось бы! Да... Может, из-за этого «Искусства Зла» на молодую госпожу пало такое проклятие, что у нее отнялись ноги?

Ма Момо схватила ртом холодный воздух, когда у нее в голове возникла такая мысль. Она приказала отнести обе коробки в комнату молодой госпожи и фанатично бросилась на главный двор.

Эта Лин Ши, должно быть, и в самом деле не в себе? Она даже не знала, что юная госпожа ей не родная, когда проклятие обрушилось на ее голову. Если бы когда-то она обидела мадам, разве не пришлось бы и ей отплатить за это тоже?

Более того, «Искусство зла» — странное и непостижимое ремесло, оно непредсказуемо, не оставляет следов, от него не так-то просто избавиться. Никто не в силах так легко избежать его! Так поступать нельзя, она немедленно должна оповестить старую мадам!

Ю Сян смотрела, как Ма Момо бежит так быстро, словно у нее горит зад. Ю Сян сузила глаза и довольно замурлыкала популярный мотив. Что до Лин Ши, то, должно быть, она совсем глупа, раз беззастенчиво стала колдовать во внутреннем дворе. В последние годы старая мадам истощилась душевно и физически: ее вымотали сыновья шу, так что у нее не было времени беспокоиться о Лин Ши. Теперь у старой мадам появилось немного свободного времени, так разве же она останется в стороне и не разберется с этим? Для стариков это — главное табу!

Ю Сян рассыпалась в радостном смехе. Подняв подбородок, она посмотрела в грязное лицо Тао Хон, которая только что вошла в комнату.

— Открой эти коробки, дай мне взглянуть.

— Есть.

Тао Хон открыла медный замок и подняла крышку коробки.

Ю Сян беспечно посмотрела внутрь, однако и Цуй Пин, и Цуй Си закричали:

— Шелк, муслин? Столетний женшень? Все эти подарки получены от императора и хранились в кладовых мадам столько лет!

У них ужасно болели сердца! Они смотрели на шелк и муслин, такие прозрачные, мягкие, как облако, чисто белые, сияющие под солнцем. Это действительно была очень редкая ткань, которую нужно было пустить на пошив одежды. Одета в одежду из такой ткани женщина была бы очень красива!

Вне всяких сомнений, этот предмет был настолько интересен, что они совершенно никак не могли осмелиться его присвоить. Однако женьшень, которому уже сто лет, — это дело другое. Его легко продать в аптеке и выручить за него пять сотен серебряных ляней. Ю Сян легко можно было обмануть, заменив женьшень белой редиской. В конце концов, она же такая дура.

Обе как раз забрали в голову эти прекрасную идею, как вдруг услышали беспечный голос Ю Сян:

— Положите шелк и муслин в мое личное хранилище и отнесите старый женьшень на кухню, пусть из него сделают суп. Я хочу выпить его сегодня.

Тао Хон торопливо вытерла свои покрытые пеплом руки, взяла женьшень и вышла из комнаты. Цуй Син, порядком озадаченная, взволнованно возразила:

— Молодая госпожа, этот старый женьшень достиг зрелости. Его можно использовать лишь в самых тяжелых случаях ради спасения жизни. Разве можно его есть? Куда лучше было бы приберечь его на будущее!

Цуй Си поддакнула:

— Все верно. Его эффект очень силен. Молодая госпожа еще слаба, если она съест женьшень, он не принесет никакой пользы, только вред!

— Если я его не съем, разве стоит мне отдавать его мышам в своей кладовой? Разве я настолько глупа? — презрительно улыбнулась Ю Сян, приподняв уголки губ. Она бы лучше съела этот женьшень и страдала от носового кровотечения потом, чем оказала услугу этой парочке.

Цуй Пин и Цуй Син почувствовали, как бешено забились их сердца, но они не посмели больше останавливать свою госпожу.